

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. Учебник / Отв. ред. Ю.М. Колосов,
Э.С. Кривчикова. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: “Международные отношения”,
2005. 815 с.**

Рецензируемый учебник, авторами которого выступают признанные ученые – преподаватели международного права МГИМО (Университет) МИД РФ, представляет собой заметное явление в российской международно-правовой доктрине.

Авторы исследуют как традиционные отрасли и институты международного права, подвергая их подчас основательной ревизии, так и актуальные проблемы, прежде не освещавшиеся в учебниках: международное право массовой информации, религия и международное право, международное ядерное право. Столь многоплановый научный труд отличается при этом глубокий профессиональный анализ широкого круга международно-правовых актов.

Вместе с тем отдельные новые положения, высказанные в учебнике, как и всякий неординарный подход, не могут не вызвать профессиональных споров.

В частности, трудно согласиться с позицией авторов при освещении ими вопросов касательно источников международного права, к числу которых они относят только международные договоры и обычаи. Что же касается решений международных организаций, то, по их мнению, все решения, включая и решения, содержащие нормы права, “следует отнести к тем **средствам** (выделено нами), которые способствуют выявлению обычных норм международного права” (с. 60). Представляется, что оценка актов международных организаций с точки зрения отнесения (или не отнесения) их к источникам международного права требует дифференцированного подхода.

Нормообразование в международном праве не ограничивается лишь договором и обычаем¹. Общеизвестно, что в международной практике различаются акты международных организаций, имеющие рекомендательный характер, и акты, которые являются обязательными для государств-членов согласно их уставу (резолюции ГА ООН; резолюции межправительственных организаций системы ООН, так называемые регламенты ИКАО, ВОЗ, ВМО и др.). Соответственно акты международных организаций играют различную роль в процессе нормообразования. Решения международных организаций рекомендательного характера, не будучи обязательными, бесспорно, не могут рассматриваться как форма выражения правовой нормы, т.е. в качестве даже вспомогательного источника права. Но это не умаляет их роли в международном праве. Такого рода акты действительно могут свидетельствовать о наличии обычной (региональной или локальной) нормы международного права, ибо позицию каждого отдельного государства, голосовавшего за принятие резолюции, следует расценивать как

доказательство наличия *opinio juris*, т.е. согласия государства на признание сложившегося правила поведения в качестве нормы права.

Другое дело, когда речь идет об актах международных организаций, в отношении которых государства априори согласились с тем, что они имеют обязательный характер. Эти акты (решения Совета Безопасности ООН, Органа по морскому дну и др.) как форма выражения норм права, являющихся результатом **согласования воли государств** в рамках соответствующих международных организаций, не могут не рассматриваться как источник международного права. Бесспорен тезис, высказанный Г.И. Тункиным еще в 70-е годы прошлого столетия: “Международные организации играют сейчас важную роль в создании норм международного права, в обеспечении контроля за их соблюдением...”.

Ошибочной представляется авторская позиция, касающаяся определения элементов системы международного права, в которую, по их мнению, наряду с общепризнанными принципами международного права, договорными и обычно-правовыми нормами входят и резолюции международных организаций, и решения арбитражных и судебных международных органов (с. 26–27), и международные договоры (с. 107). Дело в том, что любая отрасль права в соответствии с общей теорией права представляет собой совокупность правовых норм (а не их источников), регулирующих определенную, качественно обособленную сферу общественных отношений. Соответственно система международного права понимается как совокупность действующих международно-правовых принципов и норм, разделенных на отрасли и институты права. Аксиоматично, что в систему международного права входят именно **нормы** резолюций и международных договоров.

Позиция авторов учебника кажется тем более нелогичной, что, по их утверждению, резолюции международных организаций – всего лишь **средство**, способствующее выявлению обычных норм международного права. В равной мере не могут рассматриваться как часть системы международного права решения арбитражных и судебных международных органов, поскольку представляют собой результат применения норм международного права (судебную практику).

При изложении вопросов имплементации авторы рецензируемого учебника констатируют, что “по Конституции Российской Федерации 1993 г. международное право является частью национальной правовой системы (п. 4 ст. 15 Конституции РФ). В случае расхождения **какого-либо положения международного права** (выделено нами. – М.Г.) с национальной нормой преимущественную силу имеет норма международного права” (с. 21–22). Данное положение, на наш взгляд,

¹ Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970. С. 183–184.

может ввести в заблуждение по крайней мере по двум моментам.

Во-первых, в национальную правовую систему согласно Конституции РФ входит не международное право в целом, а лишь часть его – общепризнанные принципы и нормы международных договоров, участником которых является Российская Федерация.

Во-вторых, теория примата норм международного права толкуется слишком широко. Преимущественную силу при коллизии с национальными нормами имеет не любая норма международного права, как это следует из приведенного текста, а только общепризнанные принципы и нормы, а также **нормы действующих для данного государства** актов международного права и международно-правовых обычаев.

Внесены авторские коррективы и в определение круга субъектов международного права. В гл. 5 “Субъекты международного права” наряду с традиционными субъектами: государства; нации и народы, борющиеся за свою независимость; международные межправительственные организации, – в их перечень включены и международные органы (с. 106).

Следует отметить, что отдельные представители современной международно-правовой доктрины идут еще дальше и включают в круг субъектов международного права международные неправительственные организации, индивидов, национальных юридических лиц, субъектов федерации и т.д.

Оценивая концепцию сторонников презумпции многообразия субъектов современного международного публичного права, создается впечатление, что определение круга субъектов – это результат субъективных пожеланий тех или иных авторов, а не объективная категория, строго регулируемая соответствующими критериями.

В этом отношении характерна и позиция авторов рецензируемого учебника. В гл. 9 “Международные конференции” фактически расширен круг субъектов, указанных автором гл. 5. Автор гл. 9, отмечая, что участники межправительственных конференций “представляют официальную позицию государства и имеют полномочия временного государственного органа внешних сношений”, делает вывод о том, что именно поэтому межправительственные конференции можно считать субъектами международного права (с. 233). Но в таком случае, если руководствоваться приведенными теоретическими построениями, следуя логике автора, в круг субъектов международного права надлежало бы включить и другие органы внешних сношений (посольства, консульства, миссии и т.д.).

За пределами внимания авторов, к сожалению, остался вопрос о правосубъектности **международных** юридических лиц. Авторы ограничились рассмотрением правового статуса лишь международных транснациональных корпораций (ТНК), являющихся “юридическими лицами государств, где они зарегистрированы” (с. 108), и “международность” которых проявляется только в масштабе их деятельности на многонациональном уровне. Речь же идет об истинно международных юридических лицах (Предприятие в рамках Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.; Межгосударственная телерадиокомпания в рамках Соглашения государств – участников СНГ 1996 г. и др.), которые несомненно обладают правоспособностью, являющейся неотъемлемой составляющей международной пра-

восубъектности. Правовой основой именно таких международных юридических лиц служит самоисполняющийся международный договор, т.е. который сам определяет сферу своего действия, регламентирует в указанной им сфере правоотношения и устанавливает ответственность за неисполнение своих предписаний².

По общему признанию, международно-правовая ответственность и санкция относятся к числу фундаментальных категорий международно-правовой доктрины. Именно поэтому вопросы международно-правовой ответственности (гл. 11) с точки зрения общетеоретических посылок вызывают особенно пристальное внимание.

При рассмотрении форм политической ответственности авторы учебника наряду с сатисфакцией к их числу относят и репрессалии, хотя справедливо определяют их при этом как “ответные контрмеры в отношении делинквента” (с. 329). Однако по смыслу ст. 49 проекта статей об ответственности государств, включенного в резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН, принятой 12 декабря 2001 г., контрмеры – это ответные принудительные меры, по сути представляющие собой индивидуальные санкции, призванные обеспечить привлечение нарушителя к ответственности. Контрмеры “не являются особой формой ответственности, они есть специальные меры обеспечения ее реализации в конкретной форме”³.

Представляется, что при решении вопроса о соотношении понятий “ответственность” и “санкция” следует исходить из того, что **санкции** – это принудительные действия со стороны потерпевших, направленные на то, чтобы принудить правонарушителя прекратить противоправные действия (бездействие), возместить причиненный вред и наказать виновных, а **ответственность** выражается в действиях самого делинквента по устранению последствий правонарушения. Соответственно приводимый в учебнике пример – “задержание рыболовного судна за незаконный лов рыбы”, иллюстрирующий, по мнению авторов, репрессалии как одну из форм политической ответственности (с. 329), следовало бы рассматривать именно как пример индивидуальной санкции, а государство-делинквент со своей стороны в подобной ситуации должно нести политическую (в форме сатисфакции, наказания виновных) и материальную (в форме компенсации) ответственность.

При определении понятия общих международных договоров, авторы характеризуют их как “договоры, в которых участвуют или могут участвовать все государства” (с. 58). Согласно данному определению отличительным признаком общего международного договора может служить даже сама возможность участия в договоре всех государств. Но это признак любого открытого договора и если рассматривать его как определяющий именно применительно к общему междуна-

² См.: *Седова Ж.И.* Унифицированная правовая форма юридического лица. Пермь, 2003. С. 80–104.

³ Международное право / Под ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунова. М., 2006. С. 189. Кстати, отождествление санкций с политической либо материальной ответственностью достаточно частое явление в доктрине международного права. В частности, ошибочным представляется утверждение И.Н. Глебова, что материальная ответственность государств может наступать в форме эмбарго (см.: *Глебов И.Н.* Международное право. М., 2006. С. 333).

родному договору, то в таком случае любой открытый договор можно рассматривать как общий, поскольку если и не участвуют в нем все или подавляющее большинство государств, то по крайней мере могут участвовать. Всеобщий характер договора характеризуется не просто числом фактически участвующих государств или тем более правом на участие в нем. В Декларации о всеобщем участии в Венской конвенции о праве международных договоров, принятой на конференции в 1969 г., общие многосторонние договоры определяются как договоры, “которые касаются кодификации и прогрессивного развития международного права или объект и цели которых представляют интерес для международного сообщества в целом”⁴. Решающим критерием принадлежности к категории общих международных договоров, таким образом, является содержание договора, представляющего интерес для всех государств, и цель такого рода договора – создание норм общего международного права⁵.

Комментируя соотношение понятий “иностранцы” и “иностранец”, авторы учебника определяют понятие “иностранец” как “лицо, которое не имеет гражданства государства пребывания и состоит в гражданстве другого государства” (с. 186). Таким образом, понятие “иностранец” отождествляется ими с понятием “иностранцы” (с. 555).

Ссылаясь при этом на ч. 1 ст. 2 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” от 25 июля 2002 г., авторы констатируют, что согласно этому Закону “иностранцем считается физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства” (с. 186). Но в приводимом положении российского Закона цитируемое конкретное определение относится исключительно к понятию “иностранцы”, как и в Законе “О гражданстве Российской Федерации” от 30 мая 2003 г. (ст. 3). Справедливости ради следует заметить, что иностранных граждан в быту нередко называют иностранцами, но строго юридически – это разные понятия. В Российской Федерации (как и в законодательной практике целого ряда других стран) в понятие “иностранец” наряду с гражданами иностранного государства входят и апатриды, т.е. лица, не являющиеся гражданами страны пребывания и не имеющие доказательств наличия у них гражданства иностранного государства⁶.

Нуждается в уточнении, на наш взгляд, и изложение вопроса о приобретении гражданства. Как отмечено в учебнике, приобретение гражданства может иметь место также при “переходе части территории от одного государства к другому (цессия); а также при обмене отдельных участков территории между сопредельными государствами; при добровольном выборе

гражданства (оптация) и автоматическом его изменении (трансферт); при территориальных изменениях” (с. 171). Представляется, что в таком контексте оптация и трансферт следует понимать как самостоятельные способы приобретения гражданства безотносительно к территориальным изменениям. Между тем любые территориальные изменения, включая цессию, а равно обмен отдельных участков территории между сопредельными государствами, сопряжены с решением вопроса о гражданстве, будь то трансферт или более демократичная форма – оптация.

Смешение юридических категорий допущено и при освещении вопросов соотношения международного публичного и международного частного права. Проводя водораздел между этими двумя отраслями права, авторы отмечают: отношения с участием физических и юридических лиц “регулируются нормами национального права (например, законы государств о правовом статусе иностранцев на их территории); нормами сделок – контрактов, заключаемых лицами различного гражданства; коллизионными нормами...; международными договорами” (с. 25). И далее констатируется: “Перечисленный набор **источников норм** (выделено нами. – М.Г.), регулирующих международные отношения такого рода, дает основание для различения международного публичного (межвластного) права и международного частного (не межвластного) права”.

Во-первых, сам подход при определении оснований разграничения международного публичного и международного частного права представляется не соответствующим общей теории права. Основаниями деления права на отрасли, как известно, служат предмет и метод правового регулирования.

Во-вторых, нельзя согласиться и с перечисленным “набором источников” международного частного права. Хотя это и не имеет решающего значения для разграничения отраслей права, тем не менее, хотелось бы отметить, что коллизионные нормы, служащие для определения применимого (компетентного) права, не могут рассматриваться как правовой источник, ибо сами имеют форму своего выражения – международный договор, международно-правовой обычай либо национальные нормативные акты. Что касается норм сделок-контрактов, то они как результат волеизъявления субъектов права являются основанием возникновения правоотношения, осложненного иностранным элементом, (т.е. юридическим актом), и поэтому также не относятся к источникам международного частного права.

При освещении вопросов права внешних сношений, на наш взгляд, тоже допущена определенная неточность. Так, к органам внешних сношений авторами учебника отнесен парламент (с. 366). Между тем несмотря на то что в компетенцию парламента входит ратификация международных договоров и определение общих направлений внешней политики, строго говоря, он не относится к органам внешних сношений. Основанием именно для такого вывода служат, в частности, те обстоятельства, что парламент не вправе заключать международные договоры и заявления парламентариев не налагают на государство никаких обязательств.

В главе “Международное морское право” требует уточнения само понятие международного морского права, определяемое в учебнике как “совокупность

⁴ Заключительный акт Венской конференции ООН по праву договоров – UN Doc. A/Conf. 39/26. P. 9.

⁵ См.: Тункин Г.И. Указ. соч. С. 159. Коробова М.А. Расширение сферы действия норм общего многостороннего договора. М., 1983. С. 11–13.

⁶ Михалева Н.А. Комментарий к Федеральному закону РФ “О гражданстве Российской Федерации”. М., 2003. С. 18; Кобец П.Н. Особенности правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства по законодательству некоторых зарубежных стран // Международное публичное и частное право. 2004. № 4. С. 59–61.

международно-правовых принципов и норм, регулирующих отношения субъектов международного права, связанных с деятельностью в Мировом океане” (с. 595). Думается, что наряду с указанной деятельностью предметом регулирования международного морского права является также правовой статус морских пространств. Очевидно, нельзя согласиться с приведенным определением и в той части, что предметом регулирования при этом являются именно отношения субъектов международного права, связанные с морской деятельностью. Субъектами деятельности в Мировом океане могут быть не только государства и другие субъекты международного права, но также физические и юридические лица, использующие моря и океаны в качестве морских путей, источника минеральных и живых ресурсов, источника энергии и т.д. Кстати, в круг субъектов деятельности по освоению богатств морского дна за пределами континентального шельфа (Района) авторы включают лишь Международный орган по морскому дну и государства (с. 616). Однако в соответствии с п. 2 ст. 153 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. деятельность в Районе осуществляется также государственными предприятиями, Предприятием либо физическими или юридическими лицами при наличии поручительства государства-участника, либо любой группой указанных лиц.

При всей скрупулезности изложения вопросов международного ядерного права (гл. 25) не нашло отражения принципиально важное отличие Евратома от МАГАТЭ. Евратом в соответствии с Соглашением о

Евратоме 1957 г. наделен полномочиями принимать **обязательные** для государств-членов единые стандарты безопасности “для охраны здоровья работников и населения в целом”. Статья 30 определяет “основные стандарты безопасности” как а) максимальные разрешенные дозы, совместимые с достаточной безопасностью; б) максимальные разрешенные уровни радиационного облучения и загрязнения; в) основополагающие принципы, регулирующие наблюдение за здоровьем работников⁷.

К сожалению, в учебнике имеют место повторы, особенно в том, что касается характеристики отдельных международных организаций: ИКАО (с. 295, 658–659), МАГАТЭ (с. 298–300, 716–720), ЮНЕП (с. 301, 703–705) и др.

В заключение хотелось бы отметить, что приведенные замечания, разумеется, не могут сказаться на общей положительной оценке рецензируемого учебника, представляющего собой фундаментальный научный труд.

**М.А. Гицу, доцент Российского
государственного университета нефти и газа
им. И.М. Губкина, канд. юрид. наук**

⁷ См.: *Молодцова Е.С.* Охрана окружающей среды и международное регулирование мирной ядерной деятельности. М., 2000. С. 109–114.